

1
306
1917

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖЪ 25 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 4

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917
19 ЯНВАРЯ.

Рис. В. Лебедева.

М А С К А Р А Д Ъ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

К О С Т Я

Разсказъ Арк. Аверченко.

I.

Всѣ прочія дѣти не любили его, маленькаго, хрупкаго съ прозрачнымъ личикомъ и причудливо растрепавшимися каштановаго цвѣта кудрями.

Не любили. Почему?

Можетъ быть, по той же самой причинѣ, по которой взрослые не любятъ взрослыхъ, подобныхъ ему, свѣтлоглазому задумчивому Костѣ.

Та и другая сторона мѣняетъ только возрастъ. А нелюбовь остается прежняя.

У дѣтей нелюбовь къ Костѣ общая, дружная. Стоитъ только приблизиться ему къ пестрой разноцвѣтной группѣ мальчишекъ и дѣвчонокъ, какъ со всѣхъ сторонъ поднимается согласный щебетъ и пискъ:

— Пошелъ! Пошелъ вонъ! Убирайся! Мы не хотимъ!

Постоявъ немного, онъ вздыхалъ и пробовалъ начать нерѣшительно и мягко:

— А у насъ вчера во дворѣ дворникъ копалъ яму для дерева и наткнулся лопатой на что-то твердое. Посмотрѣли, а тамъ кости, черепъ и большая желѣзная шкатулка... Открыли ее, а въ ней...

— Убирайся! Проваливай, не надо! Вотъ еще, ей Богу, лѣзетъ тутъ...

Снова онъ покорно вздыхалъ и отходилъ въ сторону. Садился на нагрѣтую солнцемъ скамью сквера и погружался въ задумчивость.

Какой-нибудь досужій господинъ, сидѣвшій подлѣ и тронутый его задумчиво-меланхолическимъ видомъ, опускалъ тяжелую руку на его хрупкое, какъ скорлупа яйца, темя и общительно спрашивалъ:

— Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

— Джимъ...

— А, вотъ какъ! Ты развѣ не русскій?

— Нѣтъ, англичанинъ, сэръ.

— Вотъ оно что!.. А почему же ты такъ хорошо говоришь по-русски?

— Мы бѣжали изъ Лондона съ отцомъ, когда я былъ совсѣмъ маленькимъ.

— Бѣжали?! Что ты говоришь! Съ какой радости вамъ нужно было бѣжать?

Задумчивые глаза ребенка поднимались къ небу и съ минуту слѣдили за плывущимъ на неизмѣримой высотѣ облакомъ.

— О, это тяжелая исторія, сэръ. Дѣло въ томъ, что мой отецъ убилъ человѣка.

Господинъ испуганно вздрагивалъ и чуть-чуть, такъ на полвершка, отодвигался отъ задумчиваго мальчика, говорящаго простымъ, ровнымъ тономъ столь ужасныя вещи.

— Убилъ человѣка?! За что?

— Вы знаете, что такое Сити, сэръ?

— Чортъ его знаетъ! Ну?!.

— Въ Сити былъ банкъ, да и сейчасъ онъ есть, называемый «Голландскій Соединенный». Мой отецъ сначала служилъ тамъ клеркомъ, а потомъ, благодаря своей честности, сдѣлался кассиромъ. И вотъ, однажды ночью, когда онъ пришелъ привести въ порядокъ немного запутаны счета, онъ увидѣлъ фигуру, крадущуюся по коридору, по направлению къ кладовымъ, въ которыхъ хранилось золото. Отецъ спрятался и сталъ слѣдить... И кто же, вы думаете, это оказался?! Директоръ банка! Онъ вошелъ въ кладовую, набилъ портфель золотомъ и банковыми билетами и только вышмыгнулъ изъ кладовой, какъ отецъ схватилъ его за горло. Отецъ понималъ, что если тотъ уйдетъ, то, конечно, вся вина за происшедшее падетъ на отца... Отчаяніе придало ему силу. Произошла борьба, и отецъ задушил негодяя!.. Въ ту же ночь онъ пробрался домой, захватилъ меня, мы переплыли въ какой-то скорлупѣ Темзу и бѣжали въ Россію.

— Бѣдная твоя головушка, — сочувственно говорилъ господинъ, трепля малютку по плечу. — А гдѣ же твоя мать?

— Сгорѣла, сэръ.

— Какъ сгорѣла?!.

— Однажды лондонскіе мальчишки облили керосиномъ на улицѣ большую крысу и подожгли ее. Въ это время мимо

шла за покупками моя мать. Горящая крыса въ ужасѣ бросилась матери подъ пальто, и черезъ минуту мать моя представляла собой пылающій факель...

Ребенокъ, печально свѣсивъ голову умолкалъ, а сердобольный господинъ чуть не рыдалъ надъ этимъ несчастнымъ сиротой, на котораго, казалось, былъ опрокинутъ цѣлый ящикъ Пандоры.

— Бѣдный крошка... Ну, пойдемъ, я тебя отведу домой, а то и съ тобой случится что-нибудь нехорошее.

Джимъ тихо усмѣхался.

— О, нѣтъ, сэръ. Со мной ничего не случится. Вы видите этотъ талисманъ? Онъ отъ всего предохраняетъ.

Малютка вынималъ изъ кармана деревянную свистульку и доверчиво показывалъ ее своему спутнику.

— Что же это за талисманъ?

— Мнѣ его дала одна старая татарка въ Крыму. Мы, я помню, стояли съ ней на высококомъ обрывѣ у самаго моря. И что же: только что она мнѣ его передала, какъ сейчасъ же оступилась, изъ-подъ ногъ ея выскользнулъ камень, и она полетѣла съ громадной высоты въ море.

— Чудеса! Прямо таки чудеса. Такъ ты вотъ здѣсь и живешь? Ну, прощай. Джимъ, будь счастливъ, милый мальчикъ.

Джимъ бордо взбѣжалъ по лѣстницѣ, а господинъ долго провожалъ задумчивымъ взглядомъ удивительнаго ребенка... Такъ долго, стоялъ онъ, что швейцариха съ подтыканной юбкой подходила къ нему и спрашивала:

— Вы къ кому?

— Я не къ кому... Скажите, кто этотъ мальчикъ, который взбѣжалъ сейчасъ по лѣстницѣ?

— Это сынишка Черепицыныхъ, Костя. А что развѣ?

— Какъ?! Развѣ онъ не англичанинъ?

— Съ какой это радости? Простой себѣ мальчишка. А нешто опять навралъ чего-нибудь?.. И сколько это его мать не муштруетъ, все безъ толку...

— У него развѣ есть мать? Она жива?

— Чего ей сдѣлается. Живехонька. Только вгонить онъ ее въ гробъ своей брехней, помянете мое слово. И что это за врущій такой мальчишка, даже удивительно!.. По всей улицѣ его ужъ знаютъ за такого, накажи меня Богъ.

II.

На продолжительный Костинъ звонокъ дверь открывала горничная Ульяша.

— Гдѣ это вы, Костенька, шатались до сихъ поръ?

— На улицѣ задержался. Тамъ нашего дворника Степана автомобилемъ переѣхало, такъ я смотрѣлъ. Погляди, у меня сзади башмакъ не въ крови?..

— Какъ переѣхало?! Степана?! Совсѣмъ?

— Да. Дѣло въ томъ, что лошади взбѣсились и понесли какую-то красивую барыню, а Степанъ бросился, схватилъ ихъ подъ уздцы...

— Ну, что вы, Костенька, врете: то лошадь, то автомобиль... Вѣчно какую-нибудь юрundu размажете.

— Нѣтъ, не ерунду. Эта графиня сказала, что если его вылѣчатъ, она выйдетъ за него замужъ.

— Ладно тамъ. Врите больше. Обѣдъ уже совсѣмъ застылъ. Мама уѣхала, а старая барыня ждетъ васъ.

Покачиваясь на тонкихъ ногахъ, Костя дѣлалъ таинственное лицо и шелъ въ столовую.

— Ты чего опаздываешь? — обрушивалась на него бабушка. — Гдѣ носило?

— Да я уже часъ тому назадъ былъ у самыхъ нашихъ дверей, да пришлось повернуть обратно. Очень интересная исторія.

— Что тамъ еще?

— Понимаете, только что я подхожу къ нашимъ дверямъ, смотрю: двое какихъ-то стоятъ, возятся надъ замочной скважиной. Одинъ говоритъ другому: «Воскъ крѣпкій, оттискъ не выходитъ», а тотъ, что пониже, отвѣчаетъ: «Нажми сильнѣе, выйдетъ»...

— Костечка! — со стономъ всплескиваетъ руками бабушка. — Да вѣдь ты врешь? Опять врешь?!

— Ну, хорошо, ну, пусть вру, — саркастически усмѣ-

хается Костя. — А вот когда заберутся, да стянуть у насъ все, да прирѣжутъ насъ, тогда будете знать, какъ вру. Мнѣ что: мое дѣло сказать.

Бабушка мечется въ безысходномъ отчаяніи:

— Костечка, да вѣдь ты врешь! Вѣдь по глазамъ вижу, что сейчасъ только выдумалъ!..

— Выдумалъ? — медленно говоритъ Костя, такимъ тономъ, отъ котораго дѣлается жутко. — А если я вамъ этотъ кусокъ воска покажу, тогда тоже выдумалъ?

— Какъ же онъ къ тебѣ попалъ?

— Очень просто: они сѣли на извозчика, я прицѣпился сзади, а когда мы приѣхали на окраину города, я пробѣжалъ мимо низенькаго, будто нечаянно толкнулъ его, и въ это время вынулъ изъ кармана оттискъ. Вотъ онъ.

Изъ кармана Кости извлекается та же деревянная свистулька и издали показывается подслѣповатой бабушкѣ.

Сердце бабушки терзаетъ сомнѣніе: конечно, врать, а вдругъ — правда?.. Бываютъ же такіе случаи, что дѣлаютъ оттиски съ замочныхъ скважинъ, забираются и убиваютъ... Еще вчера она читала о такомъ случаѣ... Надо, на всякій случай, сказать Уляшѣ, чтобы закрывла ночью дверь на цѣпочку.

— Позови ко мнѣ Уляшу!..

Костя послушно мчится въ переднюю и испуганно кричитъ Уляшѣ, разговаривающей съ кѣмъ-то по телефону:

— Уляша?! Опять забыла завернуть на кухнѣ кранъ отъ водопровода?! Полная кухня воды, уже всѣ вещи въ окно плывутъ...

Телефонная трубка со стукомъ ударяется объ стѣнку, Уляша, опрокидывая все на своемъ пути, мчится на кухню.

Черезъ минуту — тяжелая сцена:

— Костенька!! Вы опять соврали? Опять выдумка? Вотъ ей Богу, нынче же расчетъ возьму, не могу больше служить...

— Мнѣ показалось, что вода течетъ, — робко оправдывается Костя, глядя на разъяренную дѣвушку молящими глазами. — Мнѣ шумъ воды слышался...

Богъ его знаетъ, этого кроткаго, безобиднаго ребенка. Можетъ быть, ему, дѣйствительно, слышался шумъ воды, а при входѣ въ квартиру показалось, что два господина, мирно закуривавшіе на ихъ площадкѣ папироску, на самомъ дѣлѣ пытались снять восковые слѣпки съ замковъ...

III.

Вечеромъ Костя сидѣлъ у письменнаго стола въ кабинетѣ отца и широко открытыми немигающими глазами глядѣлъ на быстро мелькавшіе среди бумагъ отцовскія руки.

— Ты гдѣ былъ нынче, Костя? — спросилъ отецъ.

— Въ скверѣ.

— Что тамъ видѣлъ хорошенькаго?

— Видѣлъ маму Лидочки Прягиной.

— Что ты, чудачина! Вѣдь Лидочкина мама умерла.

— Вотъ это-то и удивительно. Я сижу на скамейкѣ, а откуда-то изъ-за кустовъ, вдругъ такое сѣрое облако....

Ближе, ближе — смотрю Лидочкина мама. Печальная такая... Страшно быстро подбѣжала къ Лидочкѣ, положила руку ей на голову, погрозила мнѣ пальцемъ и тихонько ушла.

— Та-а-а-къ-съ, — протянулъ отецъ, глядя на сына смѣющимися глазами. — Бываетъ.

— Что это у тебя за бумага? — освѣдомился Костя, заглядывая черезъ плечо отца. — Пистолетъ нарисованъ.

— Это? Это, братъ, счетъ изъ оружейнаго магазина. Я револьверъ покупалъ для нашего банка.

— Револь...веръ?

— Да. Нашему артельщику, который возитъ деньги.

— Револьверъ?

Широко открытыми, немигающими глазами глядѣлъ Костя въ улыбающееся лицо отца. Его мысли уже гдѣ-то далеко. А по лицу мимолетными неувимыми тѣнями скользили какія-то легкія, еле намѣченныя, какъ паутина, мысли...

Онъ вздрогнулъ, вскочилъ съ мѣста и поспѣшно, неслышными шагами выскользнулъ изъ кабинета. Какъ вихрь, промчался черезъ двѣ комнаты и, какъ вихрь, съ растрепанными кудрями влетѣлъ въ комнату мирно работающей за столомъ матери.

— Мама! Съ папой нехорошо!!

— Что такое? Что?!

— Я вхожу къ нему, а онъ лежитъ у стола въ кабинетѣ на коврѣ и около него револьверъ валяется... На лбу пятнышко, а въ комнатѣ пахнетъ какъ-то странно...

Дикій, страшный крикъ отвѣтомъ ему

— Ну, что я съ нимъ буду дѣлать? — плачетъ мать, глядя почти съ ненавистью на Костю, испуганнаго, робко, какъ птичка въ непогоду, прижавшагося къ могучему плечу отца. — Вѣдь этотъ мальчишка своей ложью, своими выдумками, можетъ цѣлый домъ съ ума свести. Горничная его ненавидитъ, а дѣти его гонятъ отъ себя, какъ паршивую собаченку. Прямо какой-то жуткій ребенокъ. Ну, ты можешь себѣ представить что съ нимъ будетъ, когда онъ вырастетъ?!

— Къ сожалѣнію, представляю, — вполголоса говоритъ отецъ, прижимая къ плечу каштановую, растрепанную голову неудачливаго своего сына. — Выраститъ онъ, и такъ же его будутъ гнать всѣ отъ себя, не понимать и смѣяться надъ нимъ.

— Да что жъ онъ будетъ дѣлать, когда вырастетъ?!

— Милая, — скорбно говоритъ отецъ, качая сѣдьющей головой. — Онъ будетъ поэтомъ.

Арк. Аверченко.

БРЫЗГИ.

Бѣженки въ столицѣ.

— Послушайте, у васъ есть хорошіе брилліанты?

— Сколько угодно-съ, сударыня! Вотъ, извольте-съ.

— Мерси! Отвѣсьте полфунта.

Д.

Рис. А. Радакова.

ЭКОНОМІЯ БУМАГИ

Вильсонъ: — Написали для Германіи ноту съ мирными предложеніями?

Секретарь: — Да, тутъ еще внизу много бѣлаго мѣста осталось.

Вильсонъ: — О! Въ такомъ случаѣ, чтобы бѣлое мѣсто даромъ не пропадало, припишите на немъ объявленіе войны Германіи!

РОКАМБОЛИ ТЫЛА.

(Листки из блок-нота.)

Вамъ, украшающимъ столбцы газетной хроники, вамъ, губящимъ молодецкую жизнь по пустякамъ, вамъ, лишаящимъ отдыха и покоя чиновъ наружной и сыскной полици, вамъ съ искреннимъ благоговѣніемъ посвящаются эти случайные листки карманнаго блок-нота!

Листокъ 1-й.

Въ городъ прїѣзжаетъ прямо съ позицій окутанный черными облаками порохового дыма нѣкто. Красавецъ, изящень, грудь въ орденахъ, молодецъ, зарабатываетъ. Останавливается въ приличной гостиницѣ и занимаетъ лучшей номеръ.

Бьетъ много, пьетъ долго, платитъ рѣдко.

Хозяинъ, человекъ деликатный, патриотичный, ретиво борющийся съ нѣмецкимъ засиліемъ, вѣжливо и корректно демонстрируетъ длинный счетъ.

— Счетикъ...

— Счетикъ? — удивляется герой.

— Счетикъ убытковъ, такъ сказать. Не откажите въ милости покрыть, извините за выраженіе, разоренныя мѣста. Комнатка, квасъ винный, и все прочее...

— Пустяки! — грохочетъ прїѣзжій. — Что значитъ счетъ? Вздоръ. Вотъ помню было дѣло подъ Волей Шидловской... Нѣмцы съ утра шли въ атаку. Сначала цепелины, потомъ блиндажи, потомъ гинденбургі...

— Виноватъ, я все-таки насчетъ счетика...

— Потомъ бросается пѣхота... Я высказываю изъ окоповъ, окружаю цѣлую дивизию... Что?... Убирайтесь къ чорту! Если вы сейчасъ же не уйдете со своимъ счетомъ, я раздроблю вашу тетъ-де-понь...

Хозяинъ, проклиная Вильгельма, уходитъ; счетъ растетъ съ ужасающей быстротой.

Герой заводитъ знакомство въ приличныхъ семейныхъ домахъ, дѣлается женихомъ дочери мѣстнаго исправника, другомъ дома мѣстнаго судьи, и «моимъ героемъ» жены земскаго врача. Старый рубака начинаетъ собирать пожертвованія въ пользу блѣдно-сиреневаго креста, выдавая вмѣсто квитанцій старые билеты изъ кинематографа «Хромо-слонъ». Когда сумма пожертвованій достигаетъ приличной цифры, на сцену появляется начальникъ мѣстнаго сыскаго отдѣленія, и героя арестовываютъ. Въ сыскомъ выясняется, что онъ вовсе не герой, а колпинскій мѣщанинъ, за которымъ числятся два воспоминанія о кражѣ и легкой флиртъ съ поддѣльнымъ векселемъ.

Колпинскаго мѣщанина форсированнымъ маршемъ отправляютъ въ штабъ мѣстной арестантской роты; хозяинъ, жертвователи и двѣ невѣсты плачутъ. Докторша въ теченіе цѣлаго года, тяжело вздыхая, напѣваетъ: «Отцвѣли хризантемы въ саду».

Листокъ 2-й.

Въ винный магазинъ является блестящій вольноопредѣляющійся. Молодъ, красивъ, грудь въ орденахъ; тоже зарабатываетъ. Держитъ себя свободно, непринужденно, много говоритъ о германскихъ жестокостяхъ и передаетъ потрясающія сцены штыковыхъ боевъ.

— Да, что тутъ говорить!.. Подъ Двинскомъ мнѣ пришлось въ теченіе двухъ дней заколотъ сорокъ семь съ половиной человекъ... Да, съ половиной. Сидитъ на брустверѣ нѣмецкое туловище и стрѣляетъ безъ конца. Пришлось и его припечатать... Была колошмятка... Вотъ будьте любезны, по этой бумагѣ отпустить тридцать бутылокъ краснаго, двадцать бѣлаго и десять коньякообразнаго...

Герой-вольноопредѣляющійся получаетъ вино и увозитъ въ тылъ.

Черезъ нѣсколько дней мастеръ штыкового удара снова приходитъ, снова беретъ тридцать краснаго, двадцать бѣлаго и десять коньякообразнаго; такъ продолжается въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Финалъ — какъ и въ предыдущемъ листкѣ. Сыскная полиція, колпинскій мѣщанинъ, прѣхи прошлаго и зачисленіе добровольцемъ въ арестантскую роту. На сей разъ никто не плачетъ. Пившіе вино, даже, наоборотъ, смѣются и одобряютъ.

Листокъ 3-й.

Вася Тычковъ возвращается съ фронта въ родной городъ. Бравый видъ, скрипучіе сапоги и четыре креста. Родители пылаютъ гордостью, бывшіе гимназическіе товарищи завидуютъ, гимназистки предпочитаютъ Васю всѣмъ остальнымъ. а Вася, катаясь съ хорошенькой Марусей Зубрикъ, повторяетъ:

— Кто смерти близко не видалъ, тотъ женъ лобзанья не достоинъ...

Послѣ этого Вася по всѣмъ правиламъ логики строить силлогизмъ — онъ смерть близко видалъ, слѣдовательно, онъ женъ лобзанья достоинъ. Маруся не въ силахъ противостоять желѣзной логикѣ.

Конецъ менѣе уголовный, чѣмъ въ предыдущихъ листкахъ. Случайно выясняется, что Вася никогда не былъ на фронтѣ, никакихъ знаковъ отличія не имѣетъ, а скромно отбываетъ воинскую повинность въ командѣ писарей тульского военнаго госпиталя. Всѣ смѣются. Маруся плачетъ. Вася уѣзжаетъ.

Листокъ 4-й.

Этотъ листокъ авторъ оставилъ бѣлымъ. Авторъ человекъ хитрый. Все равно останется бѣлый. Какъ въ известномъ армянскомъ анекдотѣ: «нѣтъ? — такъ будетъ».

Листокъ 5-й.

Мой знакомый, почтенный отецъ семейства, былъ страшно возмущенъ.

— Нѣтъ, вы подумайте только, — рассказывалъ онъ, — какая наглость! Какой недостойный маскарадъ! Иду я часовъ въ десять по Невскому, и возлѣ Пассажа ко мнѣ подходитъ — я человекъ строгихъ правилъ, но все-таки въ эстетикѣ кой-что смыслу — подходитъ этакій блондинистый симпомпончикъ. И вы подумайте только — о времена, о нравы, какъ говорилъ Неронъ, она говоритъ мнѣ: «Мужчина, одолжите лапироску». Я обалдѣлъ. А она продолжаетъ, да знаете, такія тысячу первыя предложенія, что о нѣкоторыхъ нюансахъ, признаюсь я даже понятія не имѣлъ. Я пригласилъ городского, и мы, какъ говорится «втроемъ по Темзѣ» поплыли въ участокъ. Жрица любви по дорогѣ тревожила прахъ моихъ покойныхъ родителей и все повторяла: «я — милосердная, я и по мордѣ дать могу». Ну, въ участкѣ весь ея недостойный маскарадъ выяснился...

Финалъ печальный, но не трагическій. Два мѣсяца ареста и удаленіе, — «сѣверъ вреденъ для нея». Никто не плачетъ, нравственный господинъ смѣется и весело рассказывать о происшедшемъ не только своей женѣ, но и акушеркѣ Маріи Степановнѣ, у которой онъ бываетъ по вторникамъ и пятницамъ отъ восьми до одиннадцати въ часы засѣданій «Общества охраны кроличьихъ желудковъ».

Вы всё, вышеуказанные, твердо усвоили великий принцип «война до конца, все для победы». И если назойливая полиция и безцеремонное сыскное мѣшают вамъ честно отвѣтить на вопросъ, поставленный англійскимъ плакатомъ: «Папа, что ты дѣлалъ во время великой войны?» — право, это не ваша вина. Обстоятельства сильнѣе людей, а современники всегда несправедливы къ героямъ.

Бор. Мирскій.

ЛАЗУРНОЕ.

Говоря по чистой моей совѣсти,
Мудреного на свѣтѣ безъ числа
Удивительныя бываютъ повѣсти
И странныя бываютъ дѣла...
Вотъ...

Въ холодномъ городѣ, въ Гниломъ Содомѣ,
Гдѣ небоскребы закрыли свѣтъ,
На Пятой линіи, въ бордовомъ домѣ,
Жилъ свѣтлый юноша, чудакъ-поэтъ.

Кругомъ кишѣли людишки-гномы,
Творили мерзкія свои дѣла.
Лачуги таяли, росли хоромы.
Съѣдала солнце гнилая мгла.

А свѣтлый юноша въ святомъ экстазѣ
Въ краяхъ заоблачныхъ виталъ душой,
Не видѣлъ мерзости, не видѣлъ грязи,
Такой великій, большой, большой...

Бѣжали мѣсяцы, недѣли, годы
И былъ ужъ близокъ победы часъ.
Взывалъ онъ: «Шествую!.. Иду, народы!..
Иду избранникъ народныхъ массъ!

Идите, сильные!.. Ко мнѣ, уроды! —
Сверхъ — Прометеемъ пришелъ я къ вамъ!
Готовьте встрѣчу!.. Иду, народы!
Курите, люди, мнѣ виміамъ!»

Но было холодно въ Гниломъ Содомѣ,
Вся жизнь казалась, какъ мрачный бредъ...
На Пятой линіи, въ бордовомъ домѣ,
Въ тоскѣ несказанной рыдалъ поэтъ.

Былъ день безрадостный, какъ сонъ Иуды.
Поэтъ по линіи безцѣльно шель.
Людского мяса бѣжали груди.
И всякій встрѣчный былъ хмуръ и золь.

Свились, какъ жабы въ болотномъ смрадѣ,
И покупатели, и торгаши.
И только не было лица въ томъ стадѣ,
И только не было родной души.

И вдругъ видѣніе... И встало сердце...
И умеръ, спинулъ Содома адъ...
У дома 40, на желтой дверцѣ
Звенѣли буквы, гудя въ набатъ.

«Дантистъ Гунтерникъ». Пониже: «Моды».
А ниже, ниже!! Мечта и сонъ!!
«Sage femme. Кв. 10. Иду на роды
И днемъ и ночью. Рахиль Брамсонъ».

«Иду на роды!..» Вотъ сказка яви!
Здѣсь двухъ Гигантовъ скрестился путь!
Впередъ къ сліяню, къ мечтамъ и славѣ!
Конецъ вамъ, мука, тоска и жуть!..

... Есть много дивныхъ вещей на свѣтѣ,
Не мало сказокъ и въ наши дни...
Сошлись Гиганты, какъ будто дѣти,
И къ свѣтлымъ грезамъ пошли они.

И сынъ ихъ, отпрыскъ экстазной крови,
Взываетъ Гордый: «Иду, народъ!»
И идутъ люди въ глухомъ Тамбовѣ,
Гдѣ въ приставахъ онъ четвертый годъ.

Евг. Вѣнскій.

Рис. В. Лебедева.

ВѢТВЬ МИРА.

— Почему это вашъ орелъ такой тошій?
— Да, представьте, все время приходится кормить его, вмѣсто мяса, этими проклятыми пальмовыми вѣтками!..

Рис. В. Лебедева.

Я Г А.

Спала Яга въ берлогѣ
Безъ малаго сто лѣтъ,
Сплелись съ корнями ноги,
И вылѣзть мочи нѣтъ.

Да ей и неохота, —
Прошли ея деньки,
Родимья болота
Изрыли мужики.

Вездѣ хворостяные
Понастланы пути,
И возять торфяные
Корявые ломти.

Бывало древяницы
Будили поутру,
А нынче только птицы
Пугливыя въ бору.

Гдѣ лѣшій трясъ вихрами,
Тамъ просѣка теперь,
И мечеть, крутитъ пламя,
Реветь желѣзный звѣрь.

Гниеть ступа въ оврагѣ
И ржа рудая ѣстъ,
Подъ лапами коряги,
Во мху, забытый пестъ.

Эхъ, гдѣ ты — бѣль-Купала,
Гдѣ лютыхъ зелій сборъ.
Ступа — по край ступала,
Кряхтѣль съ природы боръ.

Какъ рыщемъ мы, да свищемъ;
Сосна, дубы — шатры.
Всѣ напрочь съ корневищемъ. —
Лежать позадь костры.

Нашли сюда дорогу,
По тѣмъ, знать, по кострамъ,
Допрежь-то и Дажь-богу
Не видно было къ намъ.

Пропастъ звѣрю и бору...
И глубже отъ врага
Въ берложію печору
Забилася Яга.

Александръ Рославлевъ.

ИСКУССТВО ПОРТИТЬ БУМАГУ.

Когда-то въ большомъ древнемъ городѣ такимъ людямъ
жилося очень легко и беззаботно. О нихъ говорили кратко
и съ большимъ уваженіемъ:

— Это нашъ городской красавецъ.

— А что онъ у васъ дѣлаеть? — спрашивалъ любопыт-
ный иностранецъ.

— Тѣмъ и живетъ. Больше ничѣмъ не занимается.

И всѣмъ было понятно, что человекъ, одаренный кра-
сотой, долженъ цѣлый день шляться по общественнымъ мѣ-
стамъ и услаждать взоры туземцевъ отъ девяти утра до
двѣнадцати ночи.

За это его кормили, поили, снабжали деньгами и одоб-
рительно похлопывали по лѣвому плечу.

Когда прошло выгодное древнее время, съ мѣстныхъ
красавцевъ стали брать такіе же, какъ и со всѣхъ, город-
скіе налоги, заставляли ихъ работать на пристаняхъ, выки-
дывали изъ квартиръ, а красотъ ихъ придавали оправдываю-
щее значеніе только пожилыя и обезпеченныя вдовы.

Тогда ихъ мѣсто заняли поэты. О нихъ сначала гово-
рили робко и почтительно:

— У него въ душѣ огонь.

Поэтъ являлся узаконеннымъ двигателемъ внутренняго
сгоранія, бездѣльничалъ, подбиралъ слова съ одинаковыми
окончаніями и безъ заранѣе преднамѣреннаго значенія и вы-
зывалъ общія симпатіи, какъ цыпленокъ въ сухаряхъ на объ-
денномъ столѣ.

СКРОМНЫЯ ЖЕЛАНІЯ.

Плѣнный: Послушай, русскій, у васъ нѣтъ въ алфавитѣ „и“
шестиричного.

— Нѣтъ. А что?

— Да мы раньше хотѣли имѣть міръ черезъ „и“ десятиричное, по-
томъ просили мира черезъ „и“ восьмиричное... А теперь и шестирич-
нымъ будемъ довольны.

Каждый вѣкъ дѣлается суше и суше, какъ институтка, вышедшая замужъ за ростовщика. Поэты падали въ цѣнѣ съ исключительнымъ успѣхомъ.

Если въ XVII вѣкѣ при входѣ поэта въ залу, гдѣ пожирался торжественный обѣдъ, къ нему навстрѣчу выходилъ самъ хозяинъ, то въ XVIII вѣкѣ уже при появленіи поэта не подымался никто, кромѣ суроваго мажордома съ готовымъ предложениемъ на устахъ придти завтра. Уже тогда во дворцахъ вельможъ поэты были замѣнены густопсовыми гончи-ми, содержаніе которыхъ обходилось значительно меньше и давало больше развлеченій. Къ поэтамъ стали относиться почти съ неудовольствиемъ.

Въ наше время это почти пренебрежительная кличка.

Если дѣловой человекъ нанимаетъ конторщика, и послѣдній, вмѣсто очередной работы, сидитъ за столомъ и хлопаетъ губами, путаетъ цифры и опаздываетъ на четыре часа въ сутки, — прежде, чѣмъ назвать его идиотомъ, дѣловой человекъ непременно вѣжливо предупредитъ:

— Что это у васъ за поэтической видъ... Волосы въ разныя стороны... Книжки запущены... И жалованье за два мѣсяца впередъ. Я васъ не для лирическихъ стиховъ пригласилъ, а прошнурованную и пронумерованную книгу вести.

И, наконецъ, стихи не только перестали читать, что сдѣлано своевременно, — ихъ почти перестали даже печатать.

Тогда поэты стали прибѣгать къ такому способу воскрешать доброе старое время: сейчасъ выкопаны всѣ старыя формы стиха.

Взгляните на любой номеръ литературнаго журнала и вы увидите: газеллу, сонетъ, триолетъ, стансы, романсы...

Газеллы пишутся сейчасъ приблизительно такъ:

Газелла.

Только вечеръ упадетъ — я приду.
Солнце яркое взойдетъ — я приду.
Ты помедлишь и уйдешь — я приду
Ты меня не позовешь. — я приду.
Пусть умру, тебя любя, — я приду.
Пусть приду къ тебѣ, умря, — я приду.
Ты уснешь тогда во снѣ — я приду.
Ты обрадуешься мнѣ — я приду.

Современнымъ поэтами кажется, что стихъ газеллы точно соблюденъ, если къ концу приставить одинаковое слово.

Критикамъ, особенно пишущимъ въ концѣ газеты, предъ биржевымъ отдѣломъ, это кажется очень стильнымъ и вызываетъ съ ихъ стороны массу восторженныхъ одобреній.

Сонетъ понятъ современниками, какъ что-то очень тягучее, короткое и скучное, въ родѣ кусочка варенаго мяса, попавшаго въ душло зуба. Поэтому сонеты, которыми пе-стрятъ журналы, пишутся именно по этой системѣ:

Сонетъ.

Прекрасенъ запахъ дѣвственныхъ лѣсовъ.
Лѣсовъ—да, дѣвственныхъ, прекрасенъ очень запахъ.
Тамъ въ лапахъ темноты горятъ глаза у совъ,
Да, темнота — лежитъ въ свиныхъ лапахъ.
Кто въ лапахъ у совы? Лѣсная темнота.
Лѣсная темнота у хищной этой птицы.
А чьи блестятъ глаза? Сии глаза крота,
Глаза глухой змѣи, лягушки и волчицы.
Прекрасенъ запахъ дѣвственныхъ лѣсовъ,
И вынюхатъ его не въ состояннн птицы,
Хотя блестятъ глаза у хищныхъ черныхъ совъ.
Но нюхаютъ его волчицы.

Современный сонетъ по своему унынію страшно смахиваетъ на прошеніе о разводѣ, поданное въ консисторію провинціальнымъ учителемъ чистописанія.

Не болѣе веселы и стихотворные переводы—тоже одинъ изъ способовъ стараго поэтическаго развлечения.

Одинъ изъ крупныхъ нашихъ поэтовъ помѣщаетъ во всѣхъ газетахъ и журналахъ переводы со всѣхъ національностей, населяющихъ Россію.

Каждая національность, даже не имѣющая своей литературы, не избѣжала этой печальной участи. Оказывается, что всѣ поэты пишутъ одинаково.

Изъ армянскихъ настроеній.

Подъ небомъ Арменіи
Цвѣтутъ цвѣты,
Но, тѣмъ не менѣе,
Тамъ — я и ты...

Не разнообразіе и молдаванская поэзія, въ переводѣ нашего маститаго поэта:

Подъ небомъ Молдавіи
Растутъ цвѣты.
Сказать все же въ правѣ я:
Тамъ — я и ты.

Недалеко отошла отъ этого и башкирская поэзія:

Подъ небомъ Башкиріи
Цвѣтутъ цвѣты.
Счастливъ въ этомъ мірѣ я,
Счастлива и ты.

Охотно пишутся въ настоящее время и старыя романсы. Пишущіе думаютъ, что отъ нихъ вѣетъ хорошей стариной, и поэтому любовно вставляютъ туда слова стараго обихода для запаха:

Романсъ.

Нависала съ неба баллюстрада.
Надъ крылами нѣжныхъ клавесинъ.
Выходила тихая Мансарда.
Дождать послѣдній апельсинъ.

Послѣ этихъ первыхъ же вступительныхъ строкъ, любой изъ современныхъ критиковъ отзовется тепло и ласково объ авторѣ ихъ:

— Современность давитъ своимъ ужасомъ. И вотъ душа поэта рвется къ пыли дѣдовскихъ усадебъ...

Почему, въ концѣ концовъ критику не похвалить, когда его тоже никто не прочтетъ?

Нѣтъ, теперь писать стихи очень легко. Но читать ихъ очень трудно.

Арк. Буховъ.

ВЕЧЕРНІЯ ДУМЫ.

Что за глушь, за тоска въ самомъ дѣлѣ! —
Чахнетъ мозгъ въ гробовой тишинѣ...
Сѣрый день среди сѣрой недѣли,
Какъ — пустыня на мертвой лунѣ.

Раннимъ утромъ захлопаютъ дверцы,
Отразится разсвѣтъ въ зеркалахъ,
И проснусь я съ лягушкой на сердцѣ
И съ мигренью въ помятыхъ вискахъ.

Кофе. Запонки. Булка. Газеты.
Галстухъ — сѣръ отъ табачной золы...
Я надѣну на руки манжеты,
Какъ колодникъ — свои кандалы...

Гулко стукнетъ трубой самоварной
Въ кухнѣ сонная чья-то рука,
А минутная стрѣлка коварно
Подползетъ къ «девяти сорока»...

Вотъ, окутанъ барашкомъ и ватой,
Созерцаю я снѣжный просторъ:
Нелюдимый вагоновожатый.
Гонитъ вдаль дребезжащій моторъ...

Стынетъ паръ на замерзшемъ окошкѣ...
Иглы снѣга кусаютъ, какъ вши,
И мечты, какъ голодныя кошки,
Бродятъ въ сумракѣ сонной души...

Погоди, о, вожатый! — немножко:
Вхатъ некуда намъ, — не спѣши.

Борисъ Авиловъ.

Рис. Ивашиной.

О Д А Р Е Н Н А Я Н А Т У Р А .

- Это вы, Марья Львовна, завели сейчас граммофонъ?
— Да, я.
— Чудесно, чудесно! У васъ настоящій талантъ. Этого забрасывать не слѣдуетъ!..

Рис. Ре-ми.

ПРОДАЖНАЯ РУССКАЯ ПРЕССА.

- Марковъ 2-й: — Эй, газетчикъ! „Русскую Волю“ продаешь?
— Такъ точно.
— И „Рѣчь“, и „День“, и „Биржевку“ продаешь?
— Да.
— А „Русское Знамя“ и „Земщину“ продаешь?
— Нѣтъ, не продаю.
— Ну, вотъ! Теперь и ясно: какія газеты продажныя, какія нѣтъ!..

Рис. В. Л.

ВИНЬЕТКИ.

Душа человѣческая.

Выигравшій въ лото тридцать копеекъ младшій письмоводитель Мѣсяцевъ остановился противъ старухи газетчицы и подумалъ:

— «Эхъ, куда ни шло! Кутить, такъ кутить! Куплю хоть разъ въ жизни на выигрышныя деньги какое-нибудь произведение литературы и жизни».

Осмотрѣлъ выглядывавшіе изъ сумки старухи журналы и газеты и сказалъ:

— Дайте мнѣ, старуха, этотъ альманахъ!

— Это не альманахъ, а «Сатириконтъ».

— Почему же сатириконтъ, — обидѣлся за упрекъ въ незнаніи Мѣсяцевъ, — если нигдѣ объ этомъ ничего не сказано?

Старуха чуть вытащила изъ сумки номеръ журнала.

— Ну, прочти. И есъ и азъ и твердо и иже... Такъ и пропечатано: «Сатириконтъ».

«Безъ ера на концѣ!» — подумалъ заинтригованный Мѣсяцевъ, — обязательно что-нибудь наводящее на критику».

— Берешь? — спросила старуха.

— Беру.

— Тридцать копеекъ.

— Тутъ напечатано: двадцать пять.

— Тутъ еще напечатано «новый». Ты бы лучше это прочиталъ.

— Нѣтъ, — рѣшительно заявилъ Мѣсяцевъ, — двадцать пять и ни копейки больше.

— Ну, не бери, — спокойно отвѣтила старуха, — другому продамъ.

— И не возьму, — поворачивая къ старухѣ спину, сказалъ Мѣсяцевъ.

— И не бери... А тутъ про тебя картина есть.

Твердо рѣшившій не платить лишняго пятака, Мѣсяцевъ вздрогнулъ и остановился. Потоптался на мѣстѣ... Вспомнилъ о томъ, какъ одинъ разъ вписалъ бумагу вмѣсто исходящей во входящую книгу и какъ, играя у знакомыхъ въ лото, прочиталъ вмѣсто девятки шестерку и, поэтому, снялъ конъ въ сорокъ копеекъ... Задрожалъ всѣмъ своимъ существомъ, поднялъ фуражку и вытеръ холодный потъ... Отчаянно махнулъ рукой и пошелъ дальше... Снова остановился... Круто повернулъ назадъ и вернулся къ старухѣ.

— Давай! — стараясь не смотрѣть на газетчицу, сказалъ онъ.

Получивъ номеръ, бросился въ пустынный переулочъ и, тяжело дыша, началъ перелистывать журналъ.

Больные вопросы.

— Позвольте вамъ познакомиться, Василій Мироновичъ. Господинъ Безведеркинъ, незамѣнимый въ политическихъ разговорахъ человѣкъ, первѣйшаго разряда критикъ.

— Очень пріятно. Неужели можете на каждое событіе критику навести?

— На этомъ воспитаны. Утромъ и вечеромъ телеграммы прочитываемъ и въ сундукъ запираемъ.

— Ахъ, какъ это интересно! Подсаживайтесь къ нашему столику. Человѣкъ, свѣжій стаканъ и порцію сахару! Наливайте въ свое удовольствіе.

— Погубимъ. Чай — напитокъ російскій. Нѣмецъ съ него дохнетъ.

— Быть не можетъ! Это прямо открытіе Америки.

— Вообще же нѣмецъ одна subtilность. Потому только и воюетъ, что налить пивомъ. Въ родѣ какъ ружье пулей заряжается, такъ и нѣмецъ пивомъ.

— Представьте! Неужели и съ австрійцемъ то же?

— Для этого надо взять карту.

— Дѣло постное, а постомъ карты не трогаемъ.

— Карта картѣ — рознь. Нужна карта военныхъ дѣйствій. Какъ вставите перстъ въ Австрію, такъ все и уясните

— Неужели вы намекаете на то, что отъ Австріи ничего не останется.

— Рѣшительно. Если бы вы не жалѣли копейку и покупали сатирической журналъ, вы поняли бы, что случится съ Австріей.

— А какъ вы полагаете относительно коварнаго Вильгельма?

— Сосиска!

— Замѣчательно! А турка?

— Чурка.

— Скажите, а неужели справедливо, что Энверка кричитъ на султана?

— Какъ въ аптекъ. Какой спросъ съ Махмутки?

— Ваша критика одинъ восторгъ. Еще одинъ вопросецъ, и я буду на седьмомъ небѣ. Какъ по-вашему относительно того, чай этотъ крѣпокъ отъ крѣпости, или отъ соды?

— При абсолютной дороговизнѣ надо полагать отъ соды.

— Премного вамъ благодаренъ. Весьма облегчилось сердце отъ вашихъ разговоровъ. Прямо, точно самю умную газету прочиталъ!

Евграфъ Дольскій.

ЛѢСТНИЦА НОЧЬЮ.

Отъ периль шархнулись тѣни,
Испуганно сжались,
Разбѣжались
Въ углы.
Безконечно-длинны,
Какъ ночные косматые звѣри,
Молчаливы и злы.
Изъ отворенной двери
Легъ на ступени
Матовый отблескъ луны.
Кто-то сѣрый испуганно ожилъ
Наверху, у периль этажа,
И, безвольно дрожа,
Посмотрѣлъ, кто его потревожилъ.

Юрій Зубовскій.

КОМПЛИМЕНТЪ.

— Сударыня, неужели вамъ дѣйствительно уже 49 лѣтъ?

— Да. А вы сколько думали?

— Лѣтъ 48 съ половиной, — не больше.

ЧЕСТНЫЙ ВОПРОСЪ.

Въ трамваѣ.

— Послушайте! Вы тутъ ходите или просто толкаетесь?

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Пріятнаго аппетита.

Эпиграфъ къ разрѣшенію городской думой продовольственного вопроса долженъ быть такой:

— Брюхо не зеркало:

Членъ городской управы В. Г. Ганьковъ, которому городской голова поручилъ осмотръ продовольственныхъ лавокъ и приведеніе ихъ въ приличное состояніе, демонстрировалъ передъ маленькой думою образцы городского хлѣба, взятаго имъ изъ лавокъ.

Хлѣбъ этотъ при разрѣзѣ имѣлъ видъ зеленого сыра. Сплошная гниль и плѣсень.

Такого хлѣба было взято около 11 пудовъ. Хранился въ ретирадникѣ.

Если хлѣбъ похожъ на сыръ, это еще не такъ плохо. Сыръ, какъ извѣстно, дороже хлѣба.

Вотъ только мѣсто храненія выбрано не особенно удачно. Впрочемъ, дума, очевидно, рѣшила найти противовѣсъ холодильникамъ.

Одно за счетъ другого.

Одна газета высчитала, что петроградскимъ населеніемъ на дежурство въ различныхъ „хвостахъ“ тратится не менѣе 4 милл. часовъ, что составляетъ болѣе 333.000 рабочихъ дней.

Наше мнѣніе по этому поводу:

— Чѣмъ мизернѣе „голова“, тѣмъ больше хвостъ.

Сарынь на кичку.

Почему молчать?

Кричать, вопить надо, кусаться, по землѣ кататься...

Изъ газетъ:

Надо отдать справедливость нашимъ курортамъ — они выдержали блестяще въ это лѣто курортно-мародерскій экзаменъ. Но пальму первенства, конечно, надо отдать г. Ялтѣ и ея пригороду-этапу — Симфероплю.

Поподоблю возрастающей и существующей на все всюду дороговизны и отсутствія предметовъ продовольствія первой необходимости, въ Ялтѣ яичница изъ трехъ яицъ уже дошла до 5 руб.

По 1 р. 65 к. за штуку.

А еще говорятъ — яйца курицу не учатъ. Да такія яйца цѣлаго страуса кое-чему научить могутъ.

Въ Симфероплѣ же яицъ сейчасъ нѣтъ совсѣмъ... чтобы не ронять ятинскихъ цѣнъ. А тамъ онѣ на все чудовищны, сказочны и невѣроятны: кефаль вяленая стоитъ уже 1 р. 40 к. штука, вмѣсто прежняго гривенника, — и такъ все въ томъ же родѣ.

Но особенно возмутительно дорого сообщеніе Симферополя съ Ялтой. Цѣна автомобиля въ 200 р. за конецъ въ 6 ч. ѣзды уже признана нормальной и даже низкой. Она доходитъ до 400 р. за конецъ автомобиля до 75 р. за „мѣсто“ въ немъ.

Считая для шоффера 12 часовъ работы въ день, онъ можетъ зарабатывать ежедневно 800 рублей.

Это въ мѣсяцъ — 24.000, а въ годъ — 288.000 рублей.

Такой человекъ, если его посадить въ тюрьму года на три, долженъ своимъ видомъ ласкать самый избалованный глазъ.

Любимцы публики.

Артистъ Ю. Морфесси, гастролировавшій недавно по провинціи, рассказываетъ:

Въ Юзовкѣ исправникъ афишу цензуруетъ:

— Это тутъ еще что: „любимецъ публики“... Какой такой „любимецъ публики“?... А я его не люблю, — вотъ тебѣ и любимецъ... Вычеркиваетъ слова „любимецъ публики“.

Морфесси не говоритъ, чѣмъ исправникъ вычеркивалъ эти слова — ногой или рукой?

Но, судя по тому, что такъ хотѣла нога г. исправника — она и работала.

Ни рука, ни голова въ этомъ дѣлѣ, очевидно, не участвовали.

Государственный человекъ.

Пошелъ нашъ цыганъ въ гору...

„Бирж. Вѣд.“ сообщаютъ:

Въ освѣдомленныхъ кругахъ передаютъ о возможности активнаго участія въ законодательствѣ верхней палаты члена Г. Думы Н. Е. Маркова 2-го. Предполагаютъ, что Марковъ 2-й будетъ назначенъ, вопреки традиціямъ, послѣ 1-го января присутствующимъ членомъ верхней палаты.

И въ почетномъ углу было мѣсто ему:

Въ министерство внутреннихъ дѣлъ поступило ходатайство г. Курска объ избраніи Н. Е. Маркова 2-го почетнымъ гражданиномъ г. Курска за рѣчь, произнесенную имъ съ трибуны Г. Думы и послужившую поводомъ къ исключенію его на 15 засѣданій. Аналогично ходатайство г. Тобольска объ избраніи Н. Е. Маркова 2-го почетнымъ гражданиномъ г. Тобольска.

Бѣлымъ по бѣлому.

Есть такая грустная, щемящая сердце русская пѣсня:

„Не бѣлы снѣга“.

Всѣ московскія газеты вышли съ бѣлыми полосами вмѣсто отчетовъ о сѣздахъ земскаго и городского союзовъ. Вмѣсто передовыхъ статей въ „Русскомъ Словѣ“ и „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ также бѣлыя полосы.

Краснѣетъ Россія, сердится, а лъстивыя прислужницы суетятся около, увѣряютъ:

— Да тебѣ, милая, не красный цвѣтъ къ лицу, а бѣлый. Цвѣтъ савана.

Крысы съ корабля.

О новомъ австрійскомъ императорѣ мы были гораздо худшаго мнѣнія, чѣмъ онъ заслуживаетъ.

Онъ, какъ оказывается, не дуракъ:

Грандиозный скандалъ разыгрался въ Вѣнѣ въ связи съ разоблаченіями австрійскихъ газетъ о томъ, что австрійскій императоръ и эрцгерцоги перевели свои денежные средства въ швейцарскіе и американскіе банки.

Призывая свой народъ къ участію въ военныхъ займахъ, австрійскіе правители, въ предвидѣніи неизбежнаго пораженія, сами спѣшатъ упрятать свои деньги въ безопасное мѣсто („Русск. Воля“).

Одинъ изъ сотрудниковъ черносотенной газеты въ отвѣтъ на упрекъ въ глупости съ негодованіемъ возразилъ:

— Шантажистъ — да! Но дуракъ — нѣтъ!

Почти то же самое могутъ отвѣтить и австрійскіе правители.

Простое разрѣшеніе вопроса.

Пѣна у рта хороша только тогда, когда она пивная:

Въ синодальныхъ кругахъ очень недовольны выступленіемъ іеромонаха Кіево-Троицкаго монастыря о. Серапіона противъ лѣвыхъ и евреевъ въ особенності.

Въ рѣчахъ и статьяхъ о. Серапіона встрѣчаются, на примѣръ, такія мѣста:

„Вся Россія отъ царскихъ палатъ до простонародныхъ хатъ раздѣлилась надвое, на правыхъ и лѣвыхъ, Правые — праведны, а лѣвые — нечестивы. Правые зовутъ всѣхъ на высоту служенія царю и Богу, а лѣвые — на низость служенія жидамъ и сатанѣ.“

Горе лѣвымъ писателямъ, издателямъ и редакторамъ лѣвой печати и цензорамъ, одобряющимъ лѣвое къ печати во славу саваны, ибо всѣ они стоятъ влѣво и заслуживаютъ проклятіе Божіе навѣки.

Правая печать благословенна, а лѣвая проклята. Вотъ почему и чтецы правой печати благословенны Богомъ, а чтецы лѣвой печати (кромѣ прлвонарочитыхъ) прокляты.

По-нашему, самое справедливое, это — послать къ краснорѣчивому монаху опытнаго психіатра — его же и монахи пріемлютъ.

Чего, спрашивается?...

Графъ П. Н. Игнатьевъ ушелъ.

Вся Россія по этому поводу проливаетъ горькія слезы.

Сотрудникъ „Русск. Воли“ нащупываетъ причины этого всенароднаго траура:

Мнѣ думается, разгадка этой психологіи общества чрезвычайно проста. Все существо школьной политики гр. П. Н. Игнатьева заключалось въ томъ, что она была лишена политики. Всѣ несчастія русской школы отъ гр. Толстого были въ томъ, что во главу школьной дѣла была оставлена политика. Ради политическихъ соображеній было введенъ классицизмъ, отвлекавшій-де отъ вольномыслія живой науки. Политики ради урѣзывалось просвѣщеніе, вообще, гдѣ только можно было и прежде всего въ государственномъ бюджетѣ. Политики ради были уничтожены старый университетскій уставъ. Ad maiorem режима gloriam, т. е. изъ побужденій чистой политики, поощряли профессиональное образование въ ущербъ общему: техники, молъ, вредныхъ идей не возпринимаетъ. Политики ради ввели главный взоръ реакціи съ 80-хъ годовъ — національныя ограниченія въ школахъ.

А мы думаемъ такъ: если Игнатьева смѣнили на Кульчицкаго, значитъ Кульчицкій еще лучше...

Чего жъ тамъ плакать, убиваться...

Радоваться нужно.

Конецъ разговора за картами.

Въ Севастополѣ въ большемъ ходу издѣлія:

— Изъ бараньяго рога.

Севастопольскій администраторъ распорядился немедленно выслать присяжнаго повѣреннаго В. Л. Гади „за критику его дѣятельности въ бесѣдѣ въ клубѣ“.

Даже за карточнымъ столомъ не обмолвился неосторожнымъ словомъ о мѣстномъ набобѣ!

Словомъ, какъ въ третьей заповѣди: „не пріемли имени Господа твоего всуе“.

Характернѣе всего, что, уподобивши себя Вседержителю, юный, но энергичный администраторъ наложилъ кару на всю семью присяжнаго повѣреннаго: какъ сообщаютъ „Южн. Вѣд.“, самъ прис. пов. Гади высылается на все время военнаго положенія, женѣ же, дѣтямъ и всей семьѣ „предложено сдать квартиру другому лицу“. („Р. В.“).

Этого мало.

Дѣтишекъ слѣдовало бы высѣчь (не имѣйте столь разговорчиваго отца!), а жену — посадить въ одиночку (выбери себѣ мужа тщательнѣе, выбирай!)

Я любовно отношусь къ непріятельскимъ подданнымъ.

Совсѣмъ, какъ соловей:

— Зашелкалъ, засвисталъ...

Въ германской официальной газетѣ опубликовано письмо императора Вильгельма на имя Бетманъ-Гольвега, предшествовавшее мирнымъ предложеніямъ.

Въ письмѣ говорится: „Послѣ разговора съ вами, для меня стало ясно, что враждующіе съ нами народы охвачены психозомъ войны, окутаны ложью, обманомъ и ненавистью, и поэтому среди нихъ не можетъ появиться человѣкъ, который могъ бы сказать освобождающее слово и предложить миръ.“

Между тѣмъ предложеніе мира явилось бы нравственнымъ актомъ, который необходимъ для избавленія всѣхъ націй, въ томъ числѣ и нейтральныхъ, отъ бѣдствій войны. Для этого акта необходимъ монархъ, обладающій совѣстью, чувствующій свою отвѣтственность передъ Богомъ и любовно относящійся какъ къ своимъ, такъ и къ непріятельскимъ подданнымъ.

У Гоголя одинъ изъ персонажей „Ревизора“ съ завистью говоритъ о городничемъ:

— Экъ, какъ расписываетъ, подлець. Дастъ же Богъ такой талантъ!

Какъ иллюстрація къ этому:

Нѣкоторые заголовки статей парижскихъ газетъ хорошо опредѣляютъ содержаніе комментаріевъ на письмо императора къ Бетманъ-Гольвегу: „Тартюфъ“, „Неронъ“, „Кайзеръ въ бреду“, „Послѣднее комедіанство“, „Новый трюкъ“.

Темное царство.

„Русская Воля“ сообщаетъ объ отношеніи современной деревни къ газетѣ.

Деревенскій умъ, развившійся съ начала войны, отбрасываетъ всѣ детали, всякія освѣщенія, его сужденія выливаются въ сжатыхъ, лаконическихъ афоризмахъ. Если, напримѣръ, про то или иное лицо газеты говорятъ, что онъ „способенъ“ на такой-то поступокъ, то деревня исключаетъ „способность“ и прямо говоритъ: такое-то лицо сдѣлало такой-то поступокъ. И въ бѣлыхъ полосахъ, не такъ давно украшавшихъ столічныя газеты, и въ крапчатыхъ строчкахъ послѣд-

няго дня деревенскій читатель видѣлъ и видитъ „знаменіе“... Нѣкоторые наивные люди серьезно вѣрили, что ежели бѣлое мѣсто въ газетѣ подержать недѣлю на солнышкѣ, то проявится все, что на этомъ мѣстѣ должно быть напечатано.

Говорятъ, на границѣхъ проѣзжимъ шпионамъ натираютъ лимоннымъ сокомъ спины: не написано ли чего на спинѣ невидимыми чернилами.

Охъ, если потеряешь спину нашего русскаго человѣка лимономъ: сколько на этой спинѣ нецензурнаго написано!..

Наше лѣкарство.

Изъ той же газеты нѣсколько обезкровленныхъ подцензурныхъ словъ:

Полицейская сила утратила у насъ всякій авторитетъ. И она приноситъ неисчислимый вредъ странѣ потому, что убиваетъ ея живыя силы и мѣшаетъ прежде всего достиженію величайшей нашей задачи — побѣды...

Со старыми шаблонами подходить теперь къ чуткому, нервному и возбужденному обществу было бы равносильно тому, что лѣчить лихорадку нагайкой.

А развѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ это не было лучшимъ средствомъ противъ лихорадки?..

Вышло въ свѣтъ
четырнадцатое изданіе
КНИГИ
Аркадія Аверченко.
„ЧЕРНЫЙ ПО БѢЛОМУ“.

5-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА
на 1917 годъ

„Новый Сатириконъ“.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Послѣ долгихъ поисковъ намъ удалось найти въ классической русской литературѣ нѣсколько намековъ на то, что на „Новый Сатириконъ“ слѣдуетъ подписаться.

Напримѣръ:

- 1) Кто скачетъ, кто мчится
Подъ хладною мглой —
Вздокъ запоздалый,
Съ нимъ сынъ молодой...

Куда же это они такъ спѣшили, сломя голову? Ясно; подписаться на „Сатириконъ“.

- 2) Скажи-ка дядя,
Вѣдь не даромъ —

„Сатириконъ“ даетъ столько цѣнныхъ премій?

- 3) Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь зима на дворѣ...

Вѣдь уже всѣ подписались на „Сатириконъ“, а ты лежишь, какъ колода...

Смотрѣть противно!

- 4) И скучно, и грустно
И некому руку пожать...

— Скучно тебѣ? Грустно тебѣ? А ты подпишись на „Сатириконъ“ вотъ и не будетъ скучно.

NB. Мы надѣемся, что эти образцы классической литературы всѣмъ извѣстны, такъ что спорить тутъ не о чемъ.

Всѣ годовые подписчики получатъ:

52 НОМЕРА обильно иллюстрированного
рисунок. и карикат. журнала,

1 БОЛЬШОЙ ТОМЪ „Вселенная и Человѣчество“.

4 КАРТИНЫ, изъ нихъ двѣ исполнены
по способу трехцв. печати,

А именно:

2 КАРТИНЫ Ре-ми и А. Радакова.

2 КАРТИНЫ (силуэты въ гра- Миссѣ.
сочн. медальон.)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на одинъ годъ безъ доставки **10** РУБ.,

Съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — 11 р., на 1/2 года — 5 р. 50 к., на 1 мѣс. — 95 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 3 руб., 1-го мая 3 руб., 1-го сентября 3 руб.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, 88. Тел. 59-07.

Редакторъ: Арк. Аверченко.

Издатель: „Новый Сатириконъ“.

Рис. Б. Антоновскаго.

ПРИЯТНОЕ НАКАЗАНИЕ.

— За самовольную отлучку я тебя сажаю на неделю на хлѣбъ и на воду — понялъ?

— Вотъ за это спасибо, г. вахмистръ! А то я уже цѣлыхъ три дня не вижу ни крошки хлѣба!..

СОВѢТЫ МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ.

Способъ дешево напиться пьянымъ.

Вы приходите въ ресторанъ, заказываете битки по-казацки за рубль порцію и, подмигнувъ лакею, говорите:

— А что: бутылочку холодненькаго можно?

Лакей таинственно улыбнется, кивнетъ головой, убѣжитъ и потомъ принесетъ шампанское въ стеклянномъ кувшинѣ.

Вы выпиваете вино, подмигиваете лакею, и онъ приноситъ вторую.

Выпивъ и съѣвъ все, вы требуете счетъ.

Вамъ подають:

Битки	1 руб.
Нарзанъ	80 »

Итого 81 руб.

Вы смотрите удивленно на счетъ и громко (надо очень громко) говорите:

— Что такое? Какой это нарзанъ? Въ чемъ дѣло? Это ошибка!!

Всѣ оборачиваются въ вашу сторону.

Лакей смущенно лепечетъ:

— Такъ что нарзанъ пили. Вода-съ такая. Требовали.

— Да у васъ по чемъ бутылка нарзана? Гдѣ преисъ-курантъ? А, вотъ! Пятьдесятъ копеекъ А вы мнѣ ставите 80 рублей. Значитъ, я, по-вашему, выпилъ сто шестьдесятъ бутылочекъ?! Что это такое?! Какъ это назвать?! А?

Тогда подбѣгаетъ самъ хозяинъ и угрюмо говоритъ:

— Да, это ошибка; съ васъ всего рубль.

Послѣ этого вы, расплатившись, должны быстро уйти.

Способъ въ мясопустный день имѣть мясо.

Берется обыкновенная комнатная собачка и кладется около двери. Затѣмъ вы быстро съ большой силой распахиваете дверь и прижимаете ее къ стѣнѣ.

Подавать на столъ горячимъ.

Такой-то.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ наше мясопустное время читатель долженъ быть радъ всякой пищѣ...

Поэтому „Синій Журналъ“ на протяженіи всего одной страницы кормитъ своихъ читателей такими драгоценными свѣдѣніями:

1) Въ Уфимской губерніи поймали звѣря, у котораго шесть лапъ, морда лисицы, хвостъ коровы...

2) Въ Симферополѣ поймали семиженца. Всѣ семь женъ носятъ одинаковое имя — Марія.

3) Одинъ аптекаръ поймалъ корову, которую зовутъ Марія Ивановна и рога которой „раскрашены нѣсколько (?) футуристически“.

4) Въ Астрахани поймали старика, который ѣсть безо всякаго вреда для здоровья толченое стекло.

5) Индѣйцы поймали герцога Коннаутскаго и сдѣлали его главой своего племени.

6) Въ Ахтыркѣ портной поймалъ собаку съ пятью ногами.

Если читатель отъ всей этой литературы возьметъ веревку покрѣпче да повѣсится — „Синій Журналъ“ не замедлитъ сообщить своимъ читателямъ:

„Поймали повѣсившагося человѣка, съ тремя ногами, питавшагося толченымъ стекломъ и имѣвшаго семь женъ, за что его и выбрали предводителемъ индѣйскаго племени.“

Тутъ же въ видѣ иллюстраціи будетъ приложенъ портретъ П. Н. Милюкова или лорда Асквита въ молодости.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Бре-ке-ке. — Это свѣжее дарованіе придумало такую шараду, что разгадка ея можетъ сокрушить голову самому крѣпкому умному человѣку...

Вотъ:

„Мое первое — женское имя,
А второе водяное устройство,
Но не съ мягкимъ-то (?) знакомъ, а съ твердымъ
Цѣлое же отгадать будетъ геройствомъ
Оно всегда поддѣляется съ видомъ гордымъ.“

Знаете, что такое — цѣлое?

Сура-гать.

Ни болѣе, ни менѣе.

Что можно отвѣтить на такую шараду?

Наше первое — отвя. Наше второе — житесь отъ насъ.

Самуэлю. — У Самуэля тоже шарада, но она проще и свѣжѣе:

Мое первое — половина чепчика.
Мое второе — кушанье.
Мое цѣлое — нехорошее слово.

Отвѣтъ:

— Чеп-уха.

И вѣрно.

Клину Клинычу (Захарьевскъ.) — Описывая журфиксъ у виднаго сановника, авторъ, между прочимъ, зарисовалъ такую сцену: За чаемъ Нина Федоровна наклонилась къ своему сосѣду Иволгину и шепнула:

— Мы съ вами только полчаса, какъ познакомились, а вы мнѣ уже исщипали всю ногу.

— Вы мнѣ нравитесь, — ласково (?) отвѣчалъ Иволгинъ.

Подобнаго рода ласковые люди, послѣ избіенія ихъ стуломъ или другимъ какимъ предметомъ сразу приобрѣтаютъ характеръ угрюмый, замкнутый.

Но, однако: какъ хорошо изучилъ авторъ бытъ нашихъ велико-свѣтскихъ гостиныхъ!..

Д. К. Л. — „Эти стихи написаны кровью моего сердца“.

Странно: кровь сердца, а стихи слабые. Плохая кровь у васъ, молодой человѣкъ.

В. О. 9-я линія. Автору „Дружеской откровенности“. — Упрекать человѣчество въ стихахъ — стало нынѣ занятіемъ дешевымъ особенно, если стихи неважные..

Б. Москва.

Энче. — Плохо.

В. Провинція.

Старая Русса В. Т. — Стихи слишкомъ личнаго характера. Такъ можно писать для знакомыхъ, а не для широкихъ читальскихъ массъ.

Харьковъ. Э Л. — Не плохо, но для „Новаго Сатирикона“ не подходитъ.

Тифлисъ. Студенту. — Минскъ. *И. В. Бобровъ.* — Николаю Мухину. — Рязань. *Гидальго.* — Воронежъ. *В.* — Симбирскъ. *Всеволоду Г.* — Бугульма. *М. Е.* — Въ пространство. *Нето* — П—ю Эн-эру. Не подошло.

Ave.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 132-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ

— НА —

Новую
Ежедневную
Газету

РУССКАЯ
ВОЛЯ

Ближайшее участие въ газетѣ принимаютъ:

С. А. Агриановъ, В. Азовъ, Г. А. Алексинский, Александръ Амфитеатровъ, Леонидъ Андреевъ, Н. П. Ашешовъ, проф. М. И. Боголюбовъ, М. М. Горьловъ, проф. Н. А. Гредескулъ, проф. Э. Д. Гриммъ, А. И. Купринъ, В. В. Муйжель, В. Г. Танъ, проф. М. П. Чубинский, Гюставъ Эрве.

Полный списокъ сотрудниковъ будетъ объявленъ особо. Специальные корреспонденты по телеграфу во всѣхъ крупныхъ центрахъ за границу, въ Россіи и на всѣхъ театрахъ войны.

ОБЕЗПЕЧЕНЫ ПОСТОЯННЫЯ СНОШЕНИЯ СО ВСѢМИ СЛАВЯНСКИМИ СТРАНАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1917 ГОДЪ:

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ: на 1 г.—16 р., на 6 мѣс.—8 р. 50 к., на 3 мѣс.—4 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р. 65 к.

ВЪ ПРОВИНЦІИ: на 1 г.—17 р., на 6 мѣс.—9 р., на 3 мѣс.—5 р., на 1 мѣс.—1 р. 80 к.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, фельдшеровъ и учащихся въ высшихъ учебн. завед., при непосредств. обращеніи въ Гл. Контору:

на 12 мѣс.—13 р., на 6 мѣс.—7 р., на 1 мѣс.—1 р. 35 коп.

Допускается **разсрочка платежа** при подпискѣ съ 1-го января на **годъ**: при подпискѣ—7 р., въ апрѣль—7 р. и въ августъ остальные. Для лицъ, пользующихся удешевленной подпиской: при подп.—6 р., въ апрѣль—5 р. и въ августъ—2 руб.

Пробные номера высылаются всѣмъ желающимъ
БЕЗПЛАТНО.

Редакція и Главная Контора газеты „РУССКАЯ ВОЛЯ“:

Петроградъ, Ивановская, 14.

Отдѣльные номера продаются вездѣ.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА

имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

„TABACS ET CIGARETTES DE LUXE“

SPHINX 10 шт.
отъ 40 к. — 1 р.

KHEDIVE 10 шт.
отъ 30 к. — 60 к.

CLASSIC 10 шт.
отъ 30 к. — 60 к.

АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКИ фунтъ
отъ 12 р. — 16 р.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

„САФО“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

„DARLING“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:

М-во А. К. Богдановъ и Ко.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Аркадій Аверченко:

Подходцевъ и еще двое.

Цѣна 1 р. 50 к.

О хорошихъ, въ сущности, людяхъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 1 р. 50 к.

О маленькихъ—для большихъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Круги по водѣ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Веселыя устрицы.

Цѣна 1 р. 50 к.

Для выздоравливающихъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Сатириконтцы въ Европѣ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Чудеса въ рѣшетѣ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Волчьи ямы.

Цѣна 60 коп.

Караси и щуки.

Цѣна 75 коп.

Тэффи.

Неживой звѣрь.

Цѣна 1 р. 50 к.

И стало такъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Ничего подобнаго.

Цѣна 1 р. 50 к.

Карусель.

Цѣна 1 р. 50 к.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 1 р. 50 к.

Аркадій Буховъ.

Чортово колесо.

Цѣна 1 р. 50 к.

Жуки на булавахъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Тихія непріятности.

Цѣна 1 р. 50 к.

Юрій Слезкинъ.

Повѣсти о странностяхъ любви.

Цѣна 1 р. 50 к.

Вл. Воиновъ.

Солнечные рассказы.

Цѣна 1 р. 25 к.

ДЪЛО МАСТЕРА БОИТСЯ.

— Портретъ, конечно, пусть пишетъ онъ, но лицо на портретъ я ужъ раскрашу себѣ сама!